

В ГОСТЯХ У ОКУДЖАВЫ

Это было — теперь уже очень давно: в самом начале перестройки. Дворец спорта Лужников умудрился устроить концерт самодельной песни. В афишах значились практически все: Митяев и Долина, Никитины и Городницкий, Ким и Егоров. Зал, стоя, пел «Атлантов». А потом, уже почти под занавес, на сцену вышел Окуджав. Он стоял у микрофона, щурясь от яркого света и держа в руках гитару. Говорить что-либо было бесполезно: никакая техника не помогла бы справиться с этим морем благодарности человеку, написавшему «Леньку Королева» и «Арбат, мой Арбат», «Возьмемся за руки, друзья!» и «Давайте восклицать!»... Мы не виделись года четыре. Беспокоить его просто так я не мог. Он звонил, волнуясь о здоровье моего двоюродного деда, с которым его, молодого учителя, судьба свела в Перемышльском районе Калужской области, где дед тогда работал заведующим районо. Однажды я не выдержал и напросился в гости: хотелось снова увидеться и поговорить. О чем? Да обо всем: о жизни, о политике... С Окуджавой. Как просто: Киевский вокзал, электричка, очень скромная по любым меркам литфондовская дача с переделанной верандой. И — потрясающая возможность спрашивать обо всем.

Главное — человеческое достоинство

Вст. Москва. — 1996. — 7 июля. — С. 5.

О времени

— Когда-то вы были фактически опальным поэтом. Как минимум вас не жаловали, так сказать, в официальном порядке. А сегодня — власти в первую очередь — вас все время пытаются выпатчить на какую-нибудь, как это стало принято говорить, «тусовку». Или сами к вам с удовольствием приходят. «Модным» вы стали, получается, Булат Шалвович. Хоть и сказали после своего юбилея в Школе современной пьесы, что далеки от всего такого шумного, что не для вас все эти «тусовки».

— Сложный вопрос. Однозначно на него ответить нельзя.

Ведь опальным я был, может, в течение лет десяти в самом начале своей работы. И то — что значит, «опальным»? Я был просто непривычен, необычен, и со мной, собственно, только поэты пытались бороться. Но потом постепенно привыкли. Да и появились другие имена. Например, Солженицын, по сравнению с которым я был уже совершенно своим, совершенно безвредным и даже благополучным. И хотя, в общем-то, все равно продолжали относиться настороженно, я это чувствовал, постепенно все изменилось. Потому что перечеркнуть, видимо, не могли. Или делали вид, что не могли. Ну, словом, как-то терпели.

А сегодня — я даже не знаю. Я постарел. Бомб не бросал. На баррикады не поднимался. Хороший или плохой литератор — не мне судить. В общем, есть какая-то известность. И на Западе, и здесь.

Просто к власти пришли люди, которые когда-то, в своей молодости, пели мои песни. И, наверное, все это им в какой-то степени интересно. Хотя в целом им сейчас, конечно, не до меня. Но все равно — молодость... И они как-то относятся ко мне — в общем, расположено.

— А вы к ним?

— По-разному. Я не отношусь к числу людей, которые считают, что интеллигенция всегда должна быть в конфронтации с властями. И никогда у меня этого не было. Я вообще не люблю «красного-белого», «да или нет» — жизнь гораздо сложнее.

— А нынешняя — как бы точнее сказать — безалаберность, что ли, нашей российской жизни...

— Это не безалаберность — это более серьезно.

— В связи с чем, видимо, вы и сказали как-то, что нынешнему нашему Президенту придется покаяться, хотя еще не так давно говорили, что вы — ЗА этого Президента.

— Да. Я и сегодня за этого Президента, а не за Юганова. Но покаяться ему в своих грехах придется. Он и сам это признает. У него же есть серьезные ошибки. Хотя, я думаю, они не от злого умысла, а от непонимания новой ситуации. Мы все из «старой школы», и нам необходимо переучиваться.

Но любое государство, пока оно существует, должно быть управляемо властью. Как же иначе? Тем более Россия, в которой нет навыков демократии, нет понимания свободы, нет уважения к закону и личности. Если Россией не управлять, она превратится в такое анархическое ядро, что не дай Бог...

— Получается, Россия — особое явление?

— Особое явление, потому что у нее особая история и особые исторические обстоятельства, особая психология. Конечно.

— И потому, наверное, надежды снова не сбылись. У вас по этому поводу нет разочарования?

— Нет, разочарования у меня нет. У меня есть грусть от того, что в наших обстоятельствах, с нашей ментальностью весь этот процесс, получается, должен проходить очень долго и трагично.

— Тем не менее, насколько я понимаю, какое-то время тому назад вы все-таки надеялись на другое?

— Когда я был молодым, я много надеялся, много разочаровывался, снова надеялся, снова разочаровывался...

Как и многие, очень надеялся, что после крушения режима общество наконец-то вздохнет свободно и начнет нормальную жизнь.

А потом выяснилось, что, во-первых, режим не рухнул до конца. Что советская власть продолжается. В разных формах. Потому что это наша психология, наша ментальность. Во-вторых, я увидел, что общество совершенно не готово к понятию свободы. И когда я это все понял, я перестал слепо надеяться.

Поэтому какие же могут быть разочарования? Только сожаление и горечь по поводу того, что процесс — трудный, болезненный и печальный.

О песнях

— Задумывались ли вы хоть однажды, нравится ли хоть кому-то то, что вы делаете?

— Нет, никогда. Может, это свойство моего характера, но никогда: ни в молодости, ни потом. Я делал то, что во мне кипело. Я наслаждался самим процессом работы. Вот представьте себе человека, который любит мед. Представьте, что ему наконец дали мед со свежим хрустящим хлебом. И он ест. Он получает наслаждение. И его совершенно не интересует, как на это посмотрят другие.

И мне было не до раздумий, что это мне принесет или как это оценят в будущем. Другое дело, если сделанное кому-то нравилось — это большая честь для меня. Если не понравилось — мне горько очень, но что с того: делал-то я все для себя. И даже часто, когда ставил точку и перечитывал, видел, что сделанное далеко от совершенства. Но пока писал, надеялся, что это гениально.

— Однако, по вашим же словам, часто получалось не очень удачно. Значит, удач для себя вы можете назвать немножко?

— Немного.

— Могли бы сказать, что именно?

— Нет, это личное все. Может, я и заблуждаюсь. Есть, например, мои вещи, о которых все говорят в возвышенных тонах, а мне они нравятся меньше. А есть вещи, о которых все молчат, тогда, когда я считаю, что это большое достижение с моей стороны. Но это — так... Это все внутри меня и не подлежит обсуждению.

— При том, что в прозе, как вы сами однажды сказали, считаете себя учеником.

— Ну, может, и не учеником — это было бы кокетство. Но все-таки я больше стихотворец, чем прозаик.

— А песни?

— Спеть мне уже просто трудно. Да и мелодия не получается. Я что-то растерял с возрастом. Вдохновение... Фантазия... Потерял. Потому что иногда мне все-таки хочется. Хочется. Но мелодия не получается. И я просто пишу стихи и пишу прозу.

— А то, что в наибольшей степени вас спрашивают всегда о песнях, хотя сделано много?

— Меня не удивляет, потому что это естественно: я в свое время прошумел, благодаря гитаре, что и запало в души людей.

— Однако «поэт в России — больше, чем поэт». И хотя вы как-то сказали, что вас это никогда не волновало, от вас то-

жется, все позволено...

— Нет, комсомол не загубил. Другое дело, что комсомол негативно влиял. А загубили обстоятельства жизни.

Представьте себе, что рождается театр. Это всегда открытие, всегда революция. Она продолжается 20–25 лет.

А потом театр умирает. То есть он по-прежнему популярен и известен, но прежнего уже нет. То же самое с авторской песней.

Необходимо что-то новое, какое-то новое качество. И оно придет. А может, уже приходит.

Поэтому я и считаю, что та авторская песня умерла в первоначальном значении.

Но она сегодня той же самой и не может быть. Потому что она родилась на московских кухнях, в узком кругу мыслящих людей-единомышленников. Вот это и было в ней главное. Потом постепенно-постепенно она стала знаменитой, популярной, вышла на эстраду и начала что-то перенимать от эстрады.

— Тот же Розенбаум?

— Розенбаум — это вообще нечто другое. Это артист. Хороший артист. А авторская песня — прежде всего поэт, который напевает свои стихи.

— Но все, что мы видим сегодня нового, — нормально?

— Нормально. Абсолютно нормально. Дай всем Бог здоровья. Лучше, чтобы все люди пели под гитару, чем стреляли бы друг в друга.

— А вы никогда не задумывались, что людям сегодня вдруг снова захотелось слышать живое слово? Прежде всего потому, что живого слова в жизни опять становится все меньше?

— Я не задумывался, но прекрасно понимаю, что потребность в живом слове никогда не исчезнет. Эта

потребность может затухать, благодаря обстоятельствам, но она все равно будет существовать. И все разговоры о гибели поэзии и культуры — полная чепуха. Если общество наконец выздоровеет — все встанет на свои места. И потребность в слове, и потребность в духе.

О себе

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

— Моя жена по образованию физик. Она некоторое время работала в физике, но потом работа стала мешать ей заниматься домашними делами. Сейчас она уже который год создает российский музей кукол. Замечательный, по-моему, где будут куклы со всего мира.

Этим занимаются талантливые полунци художники, одержимые желанием служить детям. Дело это чисто благотворительное. Правительство Москвы обещало дать под этот музей помещение. Но исполнение обещания тянется и тянется.

Сын — композитор. По-моему, человек способный.

Жена, кстати, уйдя из физики, помогала мне много в переводах, писала хорошие стихи, прозу. Но никогда не позволяла себе ничего публиковать, хотя я просил и даже настаивал.

— Вы женаты один раз?

— Нет, это моя вторая жена. Мы женаты уже 30 с лишним лет. Первая моя жена умерла. Мы познакомились на первом курсе университета, совсем юные (21 год мне был) и практически сразу же поженились.

— Есть ли у вас в семье любимые праздники?

— Праздники. Смотря какие праздники... Мы любим в семье Новый год и старый Новый год. Это у нас традиция.

— И как отмечается?

— Банально. Приезжают друзья, садимся за стол, выпиваем-закусываем, сплетничаем.

Жена моя, кстати, верующий человек, поэтому меня касаются и религиозные праздники, хоть сам я неверующий.

— Вам не мешает затворничество в Переделкине?

— Так никакого затворничества нету. Почти каждый день кто-то приезжает, звонит, куда-то зовут. И потом — я же работаю, читаю.

— Что читаете?

— И газеты, и книги, которые мне присылают и просят прочитать. Правда, аккуратно все прочитать невозможно.

— Дача у вас своя?

— Нет, казенная, в аренде.

— А в Москву все-таки тянет?

— Иногда тянет. Но ведь это надо ехать, толкаться. А я все-таки действительно далек от всего шумного, многолюдного.

— Ваш дом на Арбате цел?

— Стоит.

— Не хочется в него как-нибудь зайти?

— Нет. Как-то ушло это все.

— Вы когда-нибудь писали на заказ?

— На заказ? Может быть, два или три раза песни для кино. В самом начале своей биографии.

— Можете сегодня вспомнить, что именно?

— Это такого уровня стихи, что я их даже и не помню. Это было действительно два или три раза — на красивую музыку написать некий текст. Что-то я такое написал, и это все умерло, потому что несерьезно.

Но были и другие заказы. Мне говорил режиссер: нужна песня вот такого характера. Я показывал стихи, смотрел, может, подойдет? Он говорил, вот это подходит. Я садился, доделывал — и стихотворение превращалось в песню. Вот такого рода заказы были.

— То есть «Песня о юном барабанщике», которую мы учили в школе и о которой нам не говорили, что она ваша, к числу заказных никоим образом не относится?

— Нет. Эту песню после того, как я ее исполнил, захотели взять в фильм «Друг мой Колька». Для меня в принципе это была честь. Но из нее сделали какую-то бодрую пионерскую песню, потому что моя музыка не устраивала. А у меня песня совсем другая была, грустная: «Как мне жаль, что ты не видишь...».

Я махнул рукой.

— Вас узнают на улицах, в магазинах?

— Иногда.

— Что вы могли бы пожелать тем, кто нас сейчас читает?

— При всех обстоятельствах сохранять человеческое достоинство.

С Окуджавой легко: спрашиваешь — он отвечает.

С Окуджавой трудно, потому что вдруг можно заметить, что вопрос оказался гораздо длиннее ответа.

И как жаль, что места на газетной полосе все-таки очень мало!

Мы разговаривали гораздо больше. Спасибо вам, Булат Шалвович! Будьте здоровы!

Евгений ТИПИКИН

